

Марк Меерович

Константин Лидин

Алексей Мякота

Ольга Смирнова

Общественные пространства Поле взаимодействия власти и общества

Прошедший 4 июня в помещении Иркутского отделения САР круглый стол был посвящен проблеме городских общественных пространств. В нем приняли участие чл.-корр. РААСН, вице-президент Союза архитекторов России Елена Григорьева, вице-президент САР, председатель правления Алтайской организации САР Петр Анисифоров, председатель правления Иркутской региональной организации САР Игорь Козак, президент коллегии СРО НП «Байкальское общество архитекторов и инженеров» Андрей Макаров, канд. исторических наук, доцент НИ ИргТУ Антон Ермаков, член Союза архитекторов России Евгений Зыков (Красноярск), член правления Красноярской организации САР Алексей Мякота, канд. технических наук, докторант психологии, доцент ИргУПС Константин Лидин, директор ООО ТПО «Иркутскархпроект» Галина Урлапова, главный архитектор ландшафтной фирмы «Сады Семирамиды» Ольга Смирнова (Красноярск), канд. философских наук, доцент БГУЭП, член Союза журналистов России Марина Ткачева. Модератор — чл.-корр. РААСН, канд. архитектуры, доктор исторических наук, профессор НИ ИргТУ Марк Меерович.

Обсуждению заявленной темы предшествовала презентация, сделанная Еленой Григорьевой (этот материал стал основой диалога Елены Григорьевой и Марины Ткачевой, опубликованного в этом номере ПБ, с. 50–55).

ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВА Тема общественных пространств возникла не случайно: оно — постоянная доминанта проектирования. В мае 2012 года в Вологде состоялся форум деревянных городов, и тема общественных пространств вошла в его название. Архитектурная молодежь Вологды на пяти площадках продемонстрировала функциональные ресурсы деревянных объектов, созданных в современной стилистике.

На «Арх-Москве» для публичного обсуждения были представлены результаты конкурса по созданию общественного пространства-парка на месте бывшего гостиничного комплекса «Россия». Организация «Друзья Зарядья» вместе с другими общественными деятелями и бизнесменами пригласила нескольких иностранных специалистов для чтения лекций по

общественному пространству. В этом мероприятии участвовал член советов по общественному пространству Нью-Йорка и некоторых других городов мира Мартин Стокли. Существуют ли такие советы в сегодняшней России? Вряд ли.

Представляется, что осевыми для обсуждения являются два простых вопроса. Во-первых, чьи они, эти пространства? И архитекторам, и жителям города важно осознавать, что общественные пространства — наши. Они создаются и благоустраиваются на наши, бюджетные деньги. И во-вторых: для кого они? Общественные пространства для всех: для богатых и бедных, для молодых и старых. И это тоже должны понимать все, кто ими занимается, в том числе архитекторы, ибо, по свидетельству Мартина Стокли, многие дизайнеры имеют в виду некое абстрактное 35-летнего гражданина. А люди в разном возрасте пользуются ими по-разному. Лицо города и его ценность определяется главным образом по качеству общественных пространств. Оно является главным полем взаимодействия общества и городской застройки. Сейчас идут споры, придет ли конец общественному пространству из-за растущего использования новых медиатехнологий. Основной вопрос — как использовать общественное пространство в будущем, какие нужны новые виды городских пространств, кто будет их использовать? И, как необходимое условие, что требуется в сфере территориального планирования и проектирования?

В журнале «Проект Байкал» была рубрика «Скверы, которые мы потеряли». Она освещала позицию части профессионального сообщества по поводу захвата общественных пространств коммерческими структурами и того обстоятельства, что город это позволяет. Для нас важна мысль, что часто не хотят замечать потенциальные, гарантированные законом скверы и бульвары просто потому, что в генплане города, в проектах планировки они есть, а в реальности их еще нет: мы видим заваленные мусором и поросшие сорной травой пустыри. Предприимчивые люди и чиновники стремятся использовать их под гаражные боксы, теплотрассу,

Андрей Макаров

Петр Анисифоров

Елена Григорьева

Евгений Зыков

построить многоквартирный жилой дом.

В нашем обсуждении не принимают участие представители власти, поэтому хочу сделать акцент на том, как много зависит от ментальности архитектурного профессионального сообщества. Только благодаря архитекторам, благодаря тому, что они нашли подход к заказчикам, благодаря интуиции и просвещенности заказчиков, которые способны воспринять архитектурную идею, некоторые недавно созданные общественные пространства в Иркутске смогли появиться. Если все время думать об общественном интересе, все время думать о городе, проектируя каждый отдельный дом, то мы добьемся успеха.

МАРК МЕЕРОВИЧ С моей точки зрения, позиция архитекторов с каждым годом становится все слабее и слабее, в наших руках все меньше реальных возможностей для управления процессами градостроительного формирования.

ОЛЬГА СМИРНОВА Есть ресурс, который, по моему пониманию, необходимо использовать: это народная пресса, те газеты и журналы, которые получают простые горожане. У меня был положительный опыт в 2004 году. Когда я после занятий другими делами вернулась в архитектурное сообщество, то обнаружила, что зеленые зоны застраиваются сплошняком. И архитекторы не против!

Я тогда об уничтожении скверов и парков написала статью в «Красноярский рабочий», назвала ее «Город болен: рак легких». Эффект был мощный: она и на стол мэра легла, и во всех кабинетах ее читали. И вдруг все восторжеслись. Потом уже признавались, что эти якобы пустыри использовали потому, что они все равно неухоженные, и застраивали их спокойно. Но вдруг обнаружили, что зелени-то у нас нет! Когда спохватились, было принято решение: больше ни пяди земли под застройку не отдавать.

Естественно, оно нарушалось, но уже с большим скрипом, потому что знали, какой будет отклик. Обязательно надо писать простым языком, использовать очень сильные фразы, которые запоминаются. Еще один способ воздействия я назвала «взрывать идею изнутри». В Красноярске это случай с нашей

театральной площадью, на которой собирались построить гостиницу; по сути, хоронили площадь. После моего выступления на градсовете, где я сказала, что из соседнего здания будет удобно отстреливать в гостиницу VIP-персон, уже накануне начала стройки информационные волны пошли, в Интернете про это написали, телевидение показало. И сколько эти слова потом ни опровергали, они только сильнее действовали. Такой вот получился неожиданный удачный ход. Кстати, стройку остановили.

ММ Замечательный пример. Но боюсь, что это не тот путь. Писать статьи и митинговать, наверное, полезно. Но как обрести устойчивое законодательное обеспечение нашей профессиональной деятельности, которое не допускало бы уничтожения общественных пространств или, более широко, принятия безграмотных планировочных решений? Неужели иногда, как давать интервью в газеты или устраивать пикеты, у нас не остается?

АЛЕКСЕЙ МЯКОТА В выступлении Ольги Смирновой есть важный момент. Архитектурное сообщество, формируя свою позицию, часто упускает из виду серьезные, действующие именно сегодня рычаги: как сделать, чтобы конструирование стратегий развития города было не просто декларированием наших профессиональных догм, а опиралось на поддержку населения и общества? Замечу, что и в градостроительной теории есть немало проблем. Мне видятся две темы, связанные с общественными пространствами. Во-первых, есть ли документ, который дает возможность регламентировать развитие крупных общественных территорий? Нет, он отсутствует. У нас законодательно существуют закрепленные ПДП только на жилые районы, микрорайоны. Мне кажется, этот вопрос требует обсуждения и четкого решения на уровне законодательных документов. Мы с ним столкнулись в проектировании спортивно-туристического комплекса «Ергаки». Возможно, это должен быть какой-то проект регламентов.

Во-вторых, наш диалог с общественностью. Без него, на мой взгляд, сейчас просто бесполезно что-то

Артем Ермаков

Галина Урлопова

делать. Поразительно, но с помощью дебатов по нескольким объектам в Красноярском крае нам удалось передать губернатору довольно простой смысл: любое общественное обсуждение проектов происходит постфактум. И это сразу же вызывает у человека негативную реакцию, критику. Механизм общественного обсуждения в цивилизованном пространстве других государств отработан: общественность, экспертное сообщество, интерактивная дискуссия архитекторов с гражданами происходят на стадии обсуждения проекта, а не после принятия решений. Все это механизмы непростые. Когда нет структурированного общества и в нем нет этой инфраструктуры гражданственности, то найти, как и к кому обратиться, очень непросто.

Мы попытались еще до проектирования организовать конкурс на набережную Красноярска. Было понятно, что ключевая проблема – техническое задание. Что именно надо проектировать? Сегодня общественное пространство включает несколько функций. Это не только истеблишмент, но и услуги, сервис, релакс, активный отдых, экстрим и т. д. Рассмотреть все сообщества, обеспечить общественное пространство такими услугами – вот ключевой момент. Мы попробовали провести обсуждение еще на стадии формулировки технического задания для проектирования набережной, сделали несколько тематических круглых столов (культура, история, экология и ландшафт, инженерная и транспортная инфраструктура). Стало понятно, что главное не официальные мероприятия, а создание условий для творческого самопроявления горожан.

Мы понимаем, что именно здесь происходит снижение социальной агрессии: место создает возможность исключения социальной и политической дифференциации. Очень важны такие акции, где архитектор обнаруживает свою особую роль. Он не организатор строительства, а организатор создания пространства. И если не у отдельных архитекторов, а у всего сообщества, солидарно, формируется социально-активная позиция, если наше профессиональное сознание будет работать в этом контексте, только тогда, на мой взгляд, мы можем получить какой-то статус и уважение в обществе.

КОНСТАНТИН ЛИДИН Я как социальный психолог хотел бы обратить внимание на то, что есть две тенденции. Одна к развитию, культурное отношение к общественным пространствам, осознание ценности общественных пространств. Противоположная – которая просто не видит ни ценности, ни культуры общественных пространств и считает общественное пространство пустым местом, которое надо быстренько занять, освоить. И желательно с получением максимальной выгоды. Эти две тенденции – раскол не между архитекторами и общественностью и тем более не между общественностью и чиновниками. Это раскол между двумя образами жизни. Тот образ жизни, который признает ценность общественных пространств, очевидно, ориентирован на общественные ценности, на общественное самосознание – на то, что называется «мы-сознание», осознание, что мы представляем собой некую структуру.

Противоположная тенденция ведет к атомизации общества, в котором каждый сам за себя, и никакого «мы» не существует: есть я, и есть все остальные. Раскол происходит на уровне базовых ценностей, это непримиримый раскол, такая вялотекущая гражданская война, которая у нас в стране наблюдается уже не первое десятилетие. Бесплезно призывать к объединению архитекторов, бесплезно призывать к общественному мнению. Его не существует; есть, по крайней мере, два

общественных мнения. Одно поддерживает тех, кто хочет развивать общественное пространство. Но если вы скажете человеку, что ликвидация сквера приведет к уменьшению стоимости жилья, то я совсем не уверен, что вся общественность в едином порыве отдаст предпочтение общественному пространству.

В историческом контексте похожая ситуация складывалась в 20-х годах, в Соединенных Штатах, в Чикаго и в Нью-Йорке, накануне Великой депрессии. Призывы к каким-то общественным силам бесполезны, потому что общество расколото очень глубоко. И на любую силу найдется контрсила прямо противоположного свойства. Центральный парк в Нью-Йорке, позволю себе напомнить, возник и сохранился только потому, что один из самых богатых людей за свои деньги купил кусок городской земли и запретил на ней что-либо строить. Гораздо позже, начиная с 30-х годов, а фактически только после Второй мировой войны общество начало консолидироваться, возникли достаточно мощные общественные течения, ориентированные на реальное развитие и сохранение общественных пространств. Если Россия будет повторять тот же путь, то ей до этого, соответственно, тоже примерно лет 20–30.

С точки зрения социальной психологии представляется, что любая надежда на чудодейственные частушки, на чудодейственные статьи в газете не очень обнадеживает. По крайней мере, в Иркутске, потому что менталитет иркутян очень своеобразный. Он отличается и от Красноярска, и от Новосибирска; это видно по результатам наших исследований. Единственный путь, который мне представляется возможным, – апелляция к личным контактам, к фигурам крупного капитала, тем более что очевидна тенденция в развитии страны ориентироваться на крупный капитал. Обращаться к таким людям с предложениями, лично их заинтересовывать, апеллировать к нематериальным мотивам. Только такие достаточно макиавеллиевские приемы сейчас могут что-то дать. Потому что обращение к массовым движениям или к профессиональному сообществу немедленно наткнутся на то, что и массовые движения, и профессиональные сообщества расколоты на два лагеря, которые ведут между собой непримиримую необъявленную гражданскую войну.

ПЕТР АНИСИФОРОВ Если можно, о менталитете иркутян. Возможно, это даст ответы на многие вопросы, которыми мучаются архитекторы.

КЛ Возможно, это покажется кому-то обидным, но я использую слова, которые буду сейчас произносить не в оценочном смысле, а совершенно объективно. Если говорить об эмоциональной атмосфере городов, то в Иркутске резко выделены эмоции страха и печали. Здесь воздух как бы пропитан тревогой. Люди боятся не чего-то конкретного, а вообще бояться. Просто так, безадресно. То, что в психологии называется «свободно фланирующий страх».

ПА Чем это обусловлено?

КЛ Трудно сказать; возможно, климат, а возможно, две тысячи микроземлетрясений в год. Возможно, репутация глобальной тюрьмы. Подчеркиваю, что это не гипотезы и теоретические выкладки, а результат эксперимента, построенного на специальных методиках, это реальность. В Иркутске очень сильна депрессивная нота, город мрачный, угнетающий. Если вам покажется, что я что-то сочиняю, то есть подтверждение: величайшие культурные величины Иркутска Вампилов и Распутин – достаточно мрачные фигуры. Не могу сказать, что депрессивно-тревожная атмосфера – это плохо. Вопрос, сможем ли мы это использовать, ибо бесполезно бороться с менталитетом. С ним надо жить и его надо использовать.

ЕГ А что вы имеете в виду? Как его использовать?

КЛ Лучшие проекты, которые мы сегодня увидели в презентациях, используют эту среду: мы берем общественное пространство и вокруг него обстраиваем здания. И внутри, под давлением депрессивной, агрессивной, недружелюбной к человеку среды, просто по принципу отдачи, образуется очень комфортное и спокойное место. Достаточно замкнуть пространство внутри Иркутска. И просто по контрасту возникнет атмосфера более приятная, расслабляющая, спокойная. Такую возможность дает, например, атмосфера.

АНДРЕЙ МАКАРОВ У меня вопрос: кому с кем следует договариваться? Персонально встречаться с мэром или губернатором и лично с ними договариваться? Но при чем тут профессиональное сообщество? Какова его роль в подобных договоренностях? Как мы эти договоренности будем выстраивать и воплощать?

Нам, как профессиональному целому, все равно нужно будет использовать и средства массовой информации, и влияние профессиональных сообществ – той или иной общественной группы. Сплочение и объединение. Именно общественная позиция и дает возможность договариваться, потому что, только выстроив совместно ту или иную профессиональную позицию, можно предъявлять весомые аргументы для разговора. Вопрос: как все-таки договариваться?

КЛ Я считаю, что помогут только личные контакты.

ММ Константин Львович, вам же отвечают, что профессиональная деятельность, в том числе градостроительство, не должно быть суммой личных договоренностей отдельных архитекторов с отдельными представителями власти, а обязано стать элементом организационно-управленческой муниципальной политики. Андрей Юрьевич возражает вам, говоря: «Наверное, можно действовать так, как вы, Константин Львович, предлагаете, но, когда мы имеем дело с таким объектом, как город, а не с каким-то локальным фрагментом территории, необходимы совершенно иные пути и способы коммуникаций между профессиональным сообществом и властью!»

АМ Да, общественную позицию надо формировать и договариваться с представителями этой общественной, но по существу профессиональной позиции. В случае с историей 130-го квартала, как бы ни казалось, что его реализация – вопрос индивидуальной договоренности, огромную роль сыграла общественная позиция, которая была сначала сформирована, обоснована, а потом уже доложена губернатору, после чего ее и стали продвигать.

КЛ Какими общественными движениями мы можем надавить на губернатора?

АМ Лидерами общественных движений становятся люди, которые имеют силу, темперамент и определенные возможности. Я, может, немного отстал от местной жизни и слишком много времени провел в Москве, но я то своими глазами видел роль этих общественных движений и плакаты, которые сыграли свою роль и в формировании правительства, и в выборах губернатора.

Я согласен, в Иркутске страх присутствует. Конечно, мы зона, куда ссылали, и в семье каждого, наверное, есть своя печальная история. Но в общих чертах мы рано или поздно повторяем путь Москвы, Питера. И у нас через некоторое время подобные движения появятся.

ОС Праздник города в вашем понимании – это исключение, или все равно вы там видите какой-то страх?

КЛ Такой праздник бывает раз в год. Все остальные 364 дня картина другая.

ЕВГЕНИЙ ЗЫКОВ Я согласен с Лидиным: формирование общественных пространств в первую очередь зависит от менталитета людей. Российский менталитет сформирован таким образом, что прежде всего он осознает пространство свое и чужое. А все, что за границами своего зачастую очень агрессивно по отношению к человеку. Я год назад побывал в Копенгагене. Там архитектор размывает границы приватного и общественного пространства. Там даже жилой дом проектируется так, что в нем предусматривается очень много террас и галерей. При каждом доме есть пространство, которым пользуются жители одного этажа или подъезда. И граница между «моим» и «чужим» растворяется, перестает существовать. Вопрос о менталитете, который очень сложно менять, – это вопрос наличия закона и соблюдения этих законов. Если создать условия, чтобы они выполнялись, менталитет изменится.

Момент, который, на мой взгляд, препятствует возникновению эффективных общественных пространств, – это их эксплуатация. Если даже она предусмотрена в ПДП, зачастую сама территория – заросший бурьяном, неухоженный пустырь. Никто не будет воспринимать его как общественное пространство, нужное для следующих поколений. И, если застройщик предлагает какую-то альтернативу, люди не испытывают сопротивления при застройке этого пустыря.

Последний мой тезис – о том, как нам находить единомышленников. Я упомяну прецедент с обсуждением проекта набережной Енисея. Архитектор, будь он даже суперпрофессионал, не сможет комплексно решить все существующие проблемы. Во-первых, там неизбежно присутствуют интересы экологов, служб, которые эксплуатируют коммуникации, транспортников. И наша задача как архитекторов интегрировать все эти интересы. Если общество будет вовлечено в обсуждение на этапе формирования проектного задания, ситуация будет совершенно иной, и власти будет сложно игнорировать такие мероприятия и события. Я думаю, что это эффективный механизм, хотя в Красноярске он и не дал ощутимых результатов. Результат появится, если такие обсуждения проводить постоянно.

АМ А без этого диалога в сознании горожан вообще не будет представления о городе. У нас сейчас очень много дискуссий проводится на тему «бренд города». Для меня это не бренд, а смысл, содержательность города. Какое направление он имеет, что собой представляет? Это та образность, которая укоренена во взглядах и жизни каждого горожанина. Но она может появиться только в крупном городе, многополимерном пространстве.

ПА Мне хотелось бы вернуться к проблемам градостроительства. Ведь освоение общественных пространств прорабатывается в градостроительных проектных документах: в генплане, в утративших законодательную силу нормах и правилах по градостроительству. Хочется вспомнить нашу историю. Советское градостроительство состоялось и признано в мире, как одна из самых эффективных и лучших стратегий. Был один заказчик, и освоение общественных пространств было нацелено на максимальную выгоду и удобство для людей города, поселка. Все делалось по нормам и правилам.

Учитывалась и медицинская точка зрения, и эксплуатация территории, и организация жизни. Анализировать все спектры жизни – и ландшафт, и экономику и т. д. – на личностном уровне просто невозможно. Природные объективные процессы, которые складываются в градостроительстве, нарушать сверхопасно. Это причиняет боль городу не один десяток лет, а иногда целые столетия. Поэтому проблему освоения общественных про-

странств нужно как можно энергичнее возвращать на законодательный уровень, используя общественное мнение, общественные союзы. В законах главным приоритетом сегодня является экономика, эффективное использование территории с каким-то экономическим эффектом. Но сами законы формулируются с явным нарушением профессиональных норм градостроительства: ведь когда нарушаются стратегические линии транспорта и просто градостроительные правила в городах, то сверхнеудобство всему городу остается практически навсегда. Поэтому мы должны использовать все общественные силы. Особенно важно, чтобы законодатели прислушались к профессионалам, чтобы слово «градостроительство» вернулось в своем классическом смысле, на законных основаниях. Его неотъемлемая часть – правильное, грамотное и эффективное использование общественных территорий.

ЕГ В граддокументации определены прибрежные территории и т. д., и если бы она соблюдалась как закон, тогда невозможны были бы такие случаи, когда засыпается кусок залива для строительства торгового центра, засыпается протока для автостоянок. Засыпаются тальвеги, и на них ставятся здания. Это просто опасно. Это первое в граддокументации. Второе – градостроительные решения должны быть видны. Старые ПДП были общедоступны, в городской администрации висели огромные макеты каждого района. Архитектор в любой момент мог посмотреть, что в этом месте по ПДП. Сейчас документация, с которой приходилось сталкиваться – это раскрашенные в разные цвета схемы. Цвета иногда близкие, даже не всегда поймешь, что там за функционирование. И мы столкнулись с тем, что на одной из таких потенциально хороших площадей, общественных пространств, как раз на транзите вдруг вместо общественного крупного здания возникает жилая застройка. Оказывается, в граддокументации там был люфт: можно это, а можно другое. Хотя вся предыдущая граддокументация трактовала место как общественный центр. И масса предпосылок была именно для этого, в том числе транспортный транзит.

ММ Яркий пример – площадь около Музыкального театра. В ПЗЗ было обозначено многофункциональное использование этой территории. В результате, там появилась жилая застройка. А ее в этом месте вообще не должно быть! Ни по смыслу градостроительного развития этой территории, ни по предыдущей граддокументации, ни по перспективным идеям создания там концертного зала, которые гораздо более уместны, чем формирование элитного жилого комплекса.

АНДРЕЙ МАКАРОВ Эти примеры очень просто объясняются. Я не случайно ранее говорил об общественности: та граддокументация, которую мы сделали в Иркутскгражданпроекте (я тогда был директором), лежала на полке очень долго и не утверждалась. Суды не признавали ее законной, потому что она не прошла всю процедуру согласования. И проект планировки территории, о которой мы говорим, тоже лежал неутвержденный с 2007–2008 годов. Он, кстати, не утвержден и до сих пор, как не утвержден ПДП. Делалось это не случайно. Надеюсь, вы понимаете: для того чтобы свободно все это время торговать землей, поскольку не создано правового поля для того, чтобы эти вопросы можно было бы законно разрешать. Нет официально утвержденных документов – нет и оснований для судебных процедур. Именно в таких ситуациях и нужна общественность. Она должна задавать власти вопросы: «Почему у вас готовая градостроительная документация уже шесть лет лежит и не согласована

до сих пор?» В этом роль общественности. Она же выбирает мэров (они ведь сегодня выборные, так же как и губернаторы). Значит, общественность и может спросить с мэра, с губернатора – почему так происходит?

ММ У нас в сознании очень сложным образом переплетены две действительности. Одна западная, где территориальное сообщество и население действительно выступают субъектом инициирования градостроительных решений. Население через своих депутатов передает руководству городом сигналы о том, какой оно хочет видеть городскую среду. И власти не имеют права не исполнять этих пожеланий-распоряжений, потому что их в этом случае переизберут. Этот процесс участия горожан в муниципальной политике вполне согласуется с духом Градостроительного кодекса РФ.

С другой стороны, в нашем сознании присутствует понимание той реальности за окном, которая абсолютно игнорирует население, абсолютно игнорирует общественность: чем следовать пожеланиям населения, проще его поменять. Что, скорее всего, и произойдет в результате тех мощнейших миграций, которые год за годом смывают население Сибири. Коренное население, которое еще хранит в себе какой-то патриотизм, ощущение места, переживание духа места, несет чувство ответственности и т. п. при таком наплевательском отношении власти скоро исчезнет.

С одной стороны, как человек европейской культуры, я глубоко солидарен с призывами Андрея Юрьевича, что общественность должна взяться за руки и побороть эту мерзопакостную власть. Но как реалист и коренной сибиряк, видя то, что происходит в течение многих лет у нас и в других городах России, я понимаю, что это абсолютно невозможно. И политические события последнего года всему населению страны показали, что оно абсолютно никакой роли не играет. Остается надеяться на то, что общественность хотя бы случайным образом сможет хоть что-то сделать, проняв власть имущих удачной шуткой или веселой частушкой. Вот в это я верю. А в умную, взвешенную, продуктивную, честную кооперацию власти и населения – не верю.

АРТЕМ ЕРМАКОВ Я историк, и меня несколько настораживают подходы, унаследованные от советской интеллигенции, которая на словах не различает, но тем не менее исповедует «два типа общественности». Общественностью для нашего просвещенного слоя по большей части является он сам, т. е. экспертное сообщество, которое апеллирует к авторитету, в основном – своему собственному. А за так называемым обывателем, населением, собственно общественно не признаются ни авторитет, ни тем более вкус. О населении вспоминают, когда нужна массовка, да и то его привлекают с большим скрипом. Его боятся приглашать в дискуссии, потому что оно все разрушит: лучше с властью подискутировать, с крупным бизнесом... Вообще ставка на крупный бизнес, по-моему, с 90-х годов уже дважды провалилась. Меценаты и просвещенные олигархи дореволюционного уровня не очень то видны.

Почему же экспертная общественность пытается вести диалог с кем угодно, кроме общества? Можно сослаться на то, что оно расколото, и неизвестно, каким образом найти с ним общий язык. Но есть же какие-то остатки, почти рудименты соседских, дворовых, уличных сообществ, сообществ матерей, которые стихийно формируются в общественных зонах и с их помощью. Гигантское количество людей, которые только сейчас начали осваивать социальные сети. Или

естественные экономические сообщества: гаражные товарищества, садовые товарищества, товарищества собственников жилья. Можно найти недостатки и у этих типов самоорганизации, но это все же самоорганизация. Общественность могла бы помочь этим сообществам, дать им язык; ибо сами себя они выразить не умеют, а фактически форму своего выражения крадут у той же самой общественности нелегально, через весьма сложные и не до конца изученные каналы.

Общественные пространства, о которых мы говорим, – они создаются все-таки для общественности или для общества? Судя по этой дискуссии, исключительно для общественности, причем тоскующей по утопии Просвещения. В рамках этой утопии наша просвещенная общественность продолжает заниматься тем, что я называю «казус Петербурга»: идеально проектирует общественное пространство, которое сначала несколько веков обществом отторгается, а потом после и в результате революции осваивается. Но осваивается поневоле. В результате этой стратегии в Петербург превратилась почти вся страна. Она строилась общественностью по замечательным гуманным стандартам для народа и вопреки народу. Но эпоха Просвещения заканчивается, если уже не закончилась. Социальные законы, на которые тут ссылались, иногда тоже меняются. Соответственно, нужно нащупывать новые законы развития, в том числе и законы жизни общественных пространств. Именно поэтому к обществу все-таки следует относиться более внимательно. И не просто приглашать его «для обсуждения», а сначала спрашивать, узнавать, чего бы оно хотело. И на этом основании предлагать ему варианты воплощения совместных пожеланий общества. А не только «объективных требований» общественности.

ЕЗ У меня такое ощущение, что нас опять не слушают. Мы как раз говорили о том, что население нужно вовлекать. Мы говорили: до того, как сделать проект, нужно собрать заинтересованных людей, общественность, экспертов и вместе с ними решить, каким образом развивать территорию. Мы об этом повторяем в третий раз.

АНДРЕЙ МАКАРОВ Мы апеллируем к градостроительству как к законодательной сфере. Это ключевой момент, с ним никто не спорит. Вопрос в другом: о каком градостроительном законодательстве мы говорим, когда в советское время (мы все это прекрасно помним) работало огромное количество институтов, формирующих нормы для этой социальной единицы. Сегодня нет механизма вообще, и повторить прошлый опыт для сегодняшнего, расслоенного на полярные группы общества мы никогда не сможем. Механизмы должны быть, но другие. В нашем разговоре обнаруживаются два крайних полюса: то мы хотим сохранить идеологию чуть ли не советского градостроительства. Еще как-то с властью что-то удерживать... Совершенно верно, нужны рамки регламента и т. п. То бросаемся в другую крайность: общество привлечь, диалог с населением наладить. Сегодня градостроители (в том числе американские) говорят, что все развитие общечеловеческое (особенно культура Америки) показало: зачастую популистская политика приводит к распространению попсы и всего низкопробного. Так что общественность – вещь очень непростая. В этом случае нужны эксперты. И сегодня те же градостроители приходят к мнению, что именно эксперт и горожанин, или человек, абстрактная такая единица, только в диалоге порождают самое объективное и нужное для развития культуры.

ГАЛИНА УРЛАПОВА Артем Ермаков задел проблемы как раз того пространства, из которого, собственно, и возникает необходимость в градостроительстве. Мы находимся в седьмом технологическом периоде, у нас третья промышленная революция. Но в градостроительстве это никак не отражается. Энергетические ресурсы практически исчерпаны, необходимы возобновляемые источники энергии. И победа будет за теми странами, которые только развиваются, где еще нет урбанизации, агломерации. Они не повторяют то, что уже наработано, а будут развиваться в других направлениях. Тогда каждый дом будет сам вырабатывать все ресурсы, которые ему нужны за счет солнца, энергии Земли, ветра. Человечество вернется к естественному проживанию, а вертикаль власти станет горизонтальной. И роль власти, и роль городов качественным образом изменится, отпадет одна или несколько причин для объединения людей на сравнительно малой территории города. Тогда и роль архитекторов изменится. Не забудем также, что Россия – страна с малой плотностью населения и огромной территорией, огромными ресурсами, которые вымываются из страны. И эти факторы также являются градообразующими, и в них тоже есть не только профессиональный, но очень существенный политический аспект. Выступление Ермакова было несколько «в сторону», но оно еще раз показывает, насколько сложны проблемы градостроительства.

ПА Я хочу вернуться к профессиональным градостроительным проектам. Освоение любой городской территории идет все-таки по конкретным чертежам, по конкретным квадратным метрам. И все взаимосвязи архитектор продумывает на большую перспективу. Поэтому мне не очень понятны вопросы историков «а где центр?», «что такое центр, есть он у нас или нет?». Профессионалам все это понятно. Либо гробят центр, либо он еще не сложился. Есть конкретные ответы. Город – живой организм. Меняются политические структуры, конкретные губернаторы, а организм должен существовать и жить. И поэтому ориентироваться на общественное мнение в градостроительстве зачастую просто невозможно и даже иногда преступно. Есть такие вещи, которые в градостроительстве, в живом организме города просто нельзя делать. Либо нужно проработать на достаточно длинную перспективу. Но об этом кричать и даже рассуждать невозможно, общественным мнением никогда мы такие вопросы не решим. Это вопросы сугубо профессиональные. Если бы Петр I слушал бы общественность, никогда Санкт-Петербурга бы не было.

АЕ Безусловно, не было бы. Но общественность стратегически отреагировала на это решение Петра крайне плохо. Такое «хирургическое» обращение с реальностью как с ресурсом, оно чревато. Реальность потерпит-потерпит, да ответит потом.

КЛ В последнее время участники нашего круглого стола апеллируют к обществу, или к сообществу, к народу или к некоей структуре, не имеющей ярко выраженного центра, которая объединяет большое количество людей. И вот этой структуре поручаются функции гаранта законности: дескать, общественность должна контролировать власть, общественность должна протестовать. У меня вопрос. У кого-нибудь есть хоть один реальный пример, доказывающий, что эта общественность вообще существует как структура, сомасштабная хотя бы городским властям (я уж не говорю про региональные). Не обращаемся ли мы к призраку? Что такое общественность, где она, покажите пальцем. Я ее не вижу!

ОС В Красноярске есть общество «Березовая роща» в Академгородке. Они не зарегистрировались, но объединились, чтобы защитить лесной массив, в который вторгаются застройщики. Они пришли к депутатам с требованием изменить границы застройки. А проектировщик, знакомый с их претензиями, уже учел их требования. И активисты согласились, когда им все изложили. И вроде так получилось, что и инцидента-то нет. Все – хорошие. А уж потом мне стало известно, что борьба-то до этого шла очень резкая. Сейчас депутаты все записаны в охранники этой рощи. И так вот ее сохраняют. Это сами жители действуют. Второе – «Общество автомобилистов». Это рокеры, молодые активные, организованные мужчины, и от этого их уже власти побаиваются. Они считают, что проблемы невозможно решить ни судами, ни диалогом с властью. И нашли такой способ бороться: наваливаются на нее всеми СМИ. Вдруг одновременно все СМИ начинают писать и говорить об одной проблеме. Так было с нефтяным пятном на Енисее. Они тогда добились своего. Пятно каким-то образом убрали.

КЛ При градообразующих процессах они должны быть сопоставимы с городом, а не с тремя березками.

АЕ Эти объекты живут в разном социальном времени. Но если мы приглядимся к более крупным временным промежуткам, то это сообщество гораздо реальнее, чем наше, например собравшееся здесь. Потому, что вообще-то это чудо, или казус, или парадокс, что гигантское количество, сотни тысяч людей живут в одном месте. И их не держат за колючей проволокой, они почему-то не разбегаются. Причем делают это на протяжении нескольких сотен лет. Это явление трудно управляемо, с ним крайне тяжело дискутировать, потому что непонятно, к кому обращаться. Но оно существует. И оно не создано искусственно. Оно создало себя само.

ЕГ Тема круглого стола сильно расширилась по сравнению с запланированной, и это хорошо. Как неисправимый оптимист, я не вижу каких-то непримиримых противоречий у участников: правы и красноярские архитекторы, и историк Артем Ермаков, и филолог Константин Лидин, и архитектор-топ-менеджер в одном лице Андрей Макаров.

Реальность подчас такова, что результата и ожидать не приходится. Поэтому надо использовать все возможные хитрые пути, о чем говорила Ольга Федоровна.

При этом, конечно, мы должны интегрировать знания о социальном поведении, в своем проектировании учитывать самые разные требования и привычки горожан. Планировку города сделать не просто привлекательной, но и удобной для населения. ЗВС работает под эгидой Союза архитекторов. В уставе Союза записано: «защита общества от непрофессиональных действий». И это в том числе имел в виду Петр Иванович Анисифоров, когда говорил, что если мы будем в точности исполнять указы населения, то не достигнем результата, который нужен тому же населению. Просто в силу его непрофессионализма. Настоящее развитие, прогресс и прорыв невозможны, если мы будем только повторять то, что всем уже понравилось. Можно привести сколько угодно банальных примеров, ту же Эйфелеву башню, Музей Гугенхайма в Нью-Йорке. Против них была вся общественность. Если бы, как говорит Константин Лидин, частное лицо, имея в виду что-то свое, не выкупило кусок земли, конечно, Центрального парка не было бы на Манхеттене.

В градостроительстве и проблеме общественных пространств очень много векторов, тут нельзя смотреть только в одну сторону и быть догматиком. Надо учитывать, что у нас своеобразное законодательство и еще более своеобразное его исполнение. Мало того, что наша граддокументация несовершенно сделана, она еще и не исполняется, когда это удобно власти держащим и бизнесу, который сроща с властью. Учитывая все это, надо использовать и личные диалоги. Желательно при этом говорить не только о собственных нуждах и собственных проектах, но помнить, что ты член Союза архитекторов и что у тебя есть еще миссия. Использовать и острые популистские ходы, лозунги. И мы их используем в журнале «Проект Байкал». И иногда даже достигаем какого-то успеха. Редко, но бывает.

Мне кажется, что эта беседа была очень полезной. И каждый, кто рефлексировал по этому поводу, скорее всего, согласится с точками зрения, с которыми сначала не согласился. И включит их в свой арсенал. Возможно, это опять же неисправимый оптимизм. Но мне кажется, что работать архитектором без оптимизма невозможно. Будем чаще встречаться – лучше будем друг друга понимать.

Подготовила к публикации Марина Ткачева

О городской ответственности общества¹

текст
Леонид Коган

Обычно, когда говорят у нас об ответственности общества, то имеют в виду ответственность за те процессы, которые в нем происходят. Но тема ответственности за то пространство, ту пространственную среду, в которых эти процессы происходят, звучит гораздо слабее. А между тем степень городской ответственности, ее уровень можно рассматривать как, образно говоря, интегральный показатель цивилизационной зрелости общества. И цена пространственной составляющей этой зрелости очень высока.

Тема городской ответственности дает возможность увидеть в городской перспективе процессы как гло-

бального мирового масштаба, так и местного, локального уровня. Ведь и те, и другие подчиняются действию одних и тех же закономерностей и механизмов. Но вот понимание наличия этих закономерностей и механизмов в обществе у нас пока, находятся на низком уровне. А главное, нет понимания того, что существуют закономерности функционирования городов, городских процессов, «руководить» ими, возглавлять их, подчинить их невозможно.

В этом плане проблема городской ответственности становится проблемой городской грамотности общества, тесно связанной с проблемой осознания себя и

1. Цит. по ст.: Коган. Л. О городской ответственности общества // Городское управление. – 2012. – № 9. С. 2–3.